

Русская Летопись

Книга 2

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская Летопись: Книга 2 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 202 с.

ISBN 978-5-517-83288-7

ISBN 978-5-517-83288-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖѢ

1922

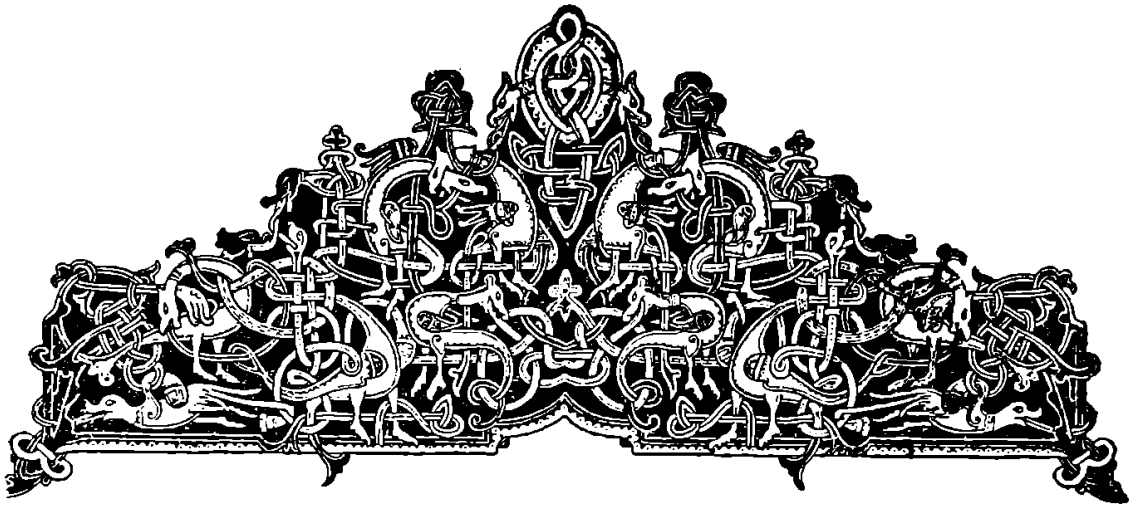

Imprimerie «Presse Franco-Russe», 216, Boulevard Raspail, Paris

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны.
Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Императоръ Николай II и Его Правительство

(По даннымъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи).

Я давно собирался опубликовать тѣ данныя, которыя были установлены Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiей, образованной Временнымъ Правительствомъ для разслѣдованiя дѣйствiй бывшихъ Министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Однако до послѣдняго времени осуществить это намѣренiе мнѣ не удавалось, какъ вслѣдствiе происходившихъ въ Россiи событiй, такъ и по обстоятельствамъ личной моей жизни.

Къ сожалѣнiю всѣ накопленные мною матерьялы въ видѣ копiй документовъ и писемъ, а также собственныя мои замѣтки погибли во время почти непрерывныхъ за послѣднiе годы скитанiй, приведшихъ меня за границу. Конечно за это время многое изгладилось изъ памяти, многое помнится неясно, но выводы, къ которымъ я пришелъ на основанiи установленныхъ слѣдствiемъ фактовъ, сохранились прочно. Нерѣдко дѣлясь этими доводами съ людьми различныхъ слоевъ, я убѣдился, что не только дѣятельность Чрезвычайной Комиссiи совершенно неизвѣстна широкимъ кругамъ, но даже и неопровержимо установленные слѣдствiемъ факты являются совершенно новыми для большинства, которое до сихъ поръ готово вѣрить въ давно опровергнутыя легенды.

Мнѣ казалось, что сообщаемые мною факты вызывали серьезный интересъ, почему я, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, сдѣлалъ въ Константинополь въ присутствiи сравнительно немногочисленныхъ слушателей докладъ, озаглавленный «Императоръ Николай II и правительство по даннымъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiи». Въ настоящее время, подъ влiянiемъ настойчивыхъ указанiй моихъ слушателей, я рѣшилъ опубликовать этотъ докладъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прочитанъ. Я помѣстилъ въ немъ тольк о то

что помню безспорно и, хотя цитаты дѣлаю по памяти, но ручаюсь за полное сохраненіе общаго смысла и духа цитируемаго.

Сознавая всю недостаточность разработки поставленной мною темы, я не оставляю мысли при болѣе благопріятныхъ условіяхъ возстановить по возможности весь матерьяль, прошедшій черезъ Комиссію, и тѣмъ исполнить долгъ моей совѣти передъ свѣтлой личностью благороднаго Царя Страдальца.

А. Ф. РОМАНОВЪ.

Константинополь, 2 іюня 1920 года.

I.

Всѣмъ еще памятно какъ въ первые дни «великой безкровной революціи» послѣ жесточайшихъ убійствъ вѣрныхъ присягъ и долгу чиновъ полиціи, послѣдовательно были арестованы революціонной толпой прежніе Министры, нѣкоторые Товарищи Министровъ, Директора Департаментовъ, Вице-Директора и другія должностныя лица стараго режима. Въ числѣ первыхъ былъ доставленъ въ Государственную Думу Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Бывшій Министръ Юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Когда объ этомъ доложили «возглавлявшему революцію» Предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, то, очевидно, арестъ Щегловитова показался ему настолько нелѣпымъ, что онъ даже разсмѣялся и сказалъ: — «ну это простое недоразумѣніе, сейчасъ все выясню» и направился къ фактическому главѣ революціи Керенскому. Однако выяснить это простое недоразумѣніе оказалось не такъ просто и въ результатѣ Щегловитовъ и другіе арестованные были переведены въ Петропавловскую крѣпость. Многіе изъ этихъ арестованныхъ «по недоразумѣнію» не увидѣли болѣе свободы и изъ тюрьмы ушли въ могилу.

Въ надеждѣ подвести какой-нибудь фундаментъ подъ революціонные аресты, Временное Правительство учредило Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію для разслѣдованія дѣйствій бывшихъ Министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Задачей Комиссіи было раскрытіе тѣхъ тяжкихъ преступленій, которыя молвою и печатью, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, приписывались прежней власти. Кромѣ того, по утвержденію нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей, цѣлью учрежденія Комиссіи

было введеніе въ правовое русло народнаго гнѣва противъ дѣятелей стараго режима и избавленіе ихъ отъ самосуда. Какъ показало послѣдующее, это были только красивыя слова, столь обильно расточавшіяся въ то время. Смѣшно было говорить о народномъ гнѣвѣ противъ тѣхъ, кого народъ, строго говоря, и не зналъ. Если даже допустить, что нѣкоторые изъ прежнихъ Министровъ были извѣстны революціонной толпѣ, то, само собою разумѣется, что она не могла знать Директоровъ, Вице-Директоровъ, и болѣе мелкихъ должностныхъ лицъ, которыя оказались арестованными. Противъ нихъ несомнѣнно былъ не народный, а личный и партійный гнѣвъ, ввести который въ русло права и предотвратить самосуды партійные руководители во всякомъ случаѣ могли, не прибѣгая, до установленія въ судебномъ порядкѣ какой-либо конкретной вины, къ Петропавловской крѣпости и ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Для правильной оцѣнки матеріаловъ, которые были добыты Комиссіей и которые въ краткихъ чертахъ будутъ мною изложены, считаю нужнымъ остановиться на томъ, кѣмъ и какъ добывались эти матерьялы а также каково было отношеніе къ работѣ и къ ея результатамъ со стороны различныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ Комиссіи. Мнѣ кажется это тѣмъ болѣе важнымъ, что нѣкоторые члены Комиссіи распространяли и распространяютъ свѣдѣнія явно тенденціозныя и извращенныя, преслѣдуя свои узкопартійныя цѣли и стремясь къ оправданію какъ самой революціи, такъ и своей дѣятельности въ ней.

Во главѣ Комиссіи былъ поставленъ Московскій присяжный повѣренный Н. К. Муравьевъ. Комиссія распадалась на три части: слѣдственную часть, наблюдательную часть и президіумъ.

Слѣдственная часть состояла изъ лицъ судебного вѣдомства въ числѣ до 20 человекъ. Число ихъ съ развитіемъ дѣятельности Комиссіи все возрастало. Сюда были приглашены весьма почтенные судебные дѣятели: предсѣдатели Окружныхъ Судовъ, члены Судебныхъ Палатъ, лица прокурорскаго надзора, судебные слѣдователи и т. п. Эти лица производили разслѣдованія, допросы, осмотры, обыски, — съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Первоначально у создателей и руководителей Комиссіи, главнымъ образомъ Керенскаго, было стремленіе привлечь къ этому дѣлу лишь судебныхъ дѣятелей, «умученныхъ отъ Щегловитова», но за отсутствіемъ достаточнаго количества такихъ «умученныхъ»,

дѣйствительно способныхъ къ работѣ, пришлось обратиться къ помощи даже тѣхъ, имена которыхъ съ тогдашней точки зрѣнія, безъ всякаго впрочемъ разумнаго основанія, считались одіозными. Само собою разумѣется, что это старались дѣлать въ тихомолку и по возможности не разглашать, боясь Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, представители котораго, особенно первое время, весьма интересовались дѣятельностью Комиссіи.

При докладѣ о работахъ Комиссіи на сѣздѣ Совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ въ Петроградѣ, Муравьевъ подчеркнуто заявилъ, что Комиссія состоитъ изъ представителей общественности и затѣмъ вскользь упомянулъ объ участіи въ ней нѣкоторыхъ «заслуживающихъ полного довѣрія организованной демократіи» судебныхъ дѣятелей.

Всѣмъ извѣстно то недовѣріе къ судебнымъ дѣятелямъ, которымъ былъ проникнуть присяжный повѣренный Керенскій и его приспѣшники. Достаточно вспомнить слова Керенскаго, сказанныя имъ въ Москвѣ въ зданіи судебныхъ установленій о томъ, что въ судѣ только «сословіе присяжныхъ повѣренныхъ сохранило честь». Это недовѣріе послужило основаніемъ для образованія второй части Комиссіи — части наблюдательной — состоявшей преимущественно изъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, въ большинствѣ социалистовъ разныхъ толковъ и главнымъ образомъ евреевъ. Лица, входившія въ эту часть, являлись какъ бы прокурорскимъ надзоромъ, наблюдавшимъ и руководившимъ предварительнымъ слѣдствіемъ, но въ дѣйствительности они по большей части были «соглядатаями» и на обязанности ихъ лежало предупреждать «лицепріятіе» судебныхъ дѣятелей и возможную съ ихъ стороны «контр-революціонность». Они присутствовали при допросахъ свидѣтелей и вообще при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ.

Наконецъ, третья часть комиссіи — президіумъ — состояла, главнымъ образомъ, изъ общественныхъ элементовъ. Въ нее входили: предсѣдатель, присяжный повѣренный, Муравьевъ и члены: членъ Государственной Думы Ф. И. Родичевъ, академикъ С. Ф. Ольденбургъ, сенаторъ С. В. Ивановъ, литераторъ Щеголевъ, генераль Апушкинъ, присяжный повѣренный Крахмаль, сенаторъ эпохи Временнаго Правительства Соколовъ, и два непартійныхъ юриста-техника: прокуроръ Харьковской Судебной Палаты, впоследствии сенаторъ Б. Н. Смиттенъ и прокуроръ Виленской Судебной Палаты А. Ф. Романовъ.

Предсѣдатель, Муравьевъ, капризный и изнѣженный социаль-де-

мократь, обладая минимальными знаніями, сдѣлалъ свою адвокатскую карьеру исключительно на политическихъ процессахъ. Слушать онъ могъ только свои безконечныя рѣчи, полныя искусственнаго воодушевленія, и подсказку многочисленныхъ помощниковъ, разработавшихъ для него юридическую сторону вопросовъ. Состоя председателемъ Комиссіи, онъ буквально на заднихъ лапкахъ танцевалъ передъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и униженно поддерживалъ добрыя отношенія съ представителями большевизма. Впослѣдствіи я узналъ, что еще до революціи многіе Московскіе адвокаты не находили возможнымъ подавать Муравьеву руку.

Ф. И. Родичевъ, кадетъ, извѣстный пылкій ораторъ, старался по возможности отстаивать въ Комиссіи справедливость, но присутствовалъ въ засѣданіяхъ рѣдко.

Академикъ С. Ф. Ольденбургъ, тоже кадетъ, аккуратнѣйшій и старательнѣйшій, но не искусенный въ юридическихъ тонкостяхъ, человекъ. Нѣсколько дней онъ былъ министромъ Народнаго Просвѣщенія при Временномъ Правительствѣ, отстаивалъ новое правописание, но лично писалъ букву «ѣ» тамъ, гдѣ она полагается.

Сенаторъ С. В. Ивановъ, бывшій председатель Петроградской Городской Думы, нѣкогда подписалъ протестъ противъ смертной казни, за что былъ переведенъ изъ судебного департамента въ общее собраніе Сената и поэтому считалъ себя пострадавшимъ за правду. Это заставляло его во всемъ прошломъ видѣть только мракъ, а въ настоящемъ и будущемъ — свѣтъ. Впрочемъ послѣ Іюльскаго возстанія большевиковъ оптимизмъ его нѣсколько поколебался.

Литераторъ Щеголевъ, социалистъ-революціонеръ, редакторъ журнала «Былое», подходилъ ко всякому дѣлу съ точки зрѣнія использованія его въ опредѣленномъ духѣ для журнала. При старомъ Правительствѣ онъ какъ-то былъ арестованъ и, несмотря на усиленныя просьбы со ссылкой на разстройство питанія, не былъ освобожденъ немедленно, какъ этого добивался. Поэтому при новомъ режимѣ сталъ принципиальнымъ противникомъ освобожденія изъ подъ стражи дѣятелей прежней власти и нерѣдко, со спокойнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, говорилъ: «пусть сидятъ, я же сидѣлъ».

Генералъ Апушкинъ былъ назначенъ при Временномъ Правительствѣ Начальникомъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія. Большаго участія въ дѣятельности Комиссіи не принималъ; сначала много и съ пафосомъ говорилъ о завоеваніяхъ революціи, о рево-

люціонномъ самосознаніи, но потомъ какъ-то ослѣлъ и стушевался.

Присяжный повѣренный Крахмаль, еврей, и «Сенаторъ» Соколовъ являлись представителями Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и были плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого Совѣта, особенно Соколовъ. Тупо-упорный, упорно-тупой и нагло самоувѣренный Соколовъ — авторъ приказа № 1, которымъ было начато разложеніе арміи. До революціи Соколовъ принадлежалъ къ партіи большевиковъ, потомъ перешель будто-бы къ меньшевикамъ. Въ комиссіи Соколовъ не слушалъ никакихъ доводовъ и на все отвѣчалъ сплошнымъ «распи его», если только «онъ» былъ изъ стараго режима. Какъ извѣстно, этотъ Соколовъ былъ впослѣдствіи жестоко избить тѣми самыми солдатами, надъ разложеніемъ которыхъ онъ такъ много потрудился.

Остановлюсь нѣсколько на обстоятельствахъ, при которыхъ я былъ приглашенъ въ Комиссію, такъ какъ они весьма показательны для дѣятелей Временнаго Правительства.

При старомъ режимѣ я былъ назначенъ прокуроромъ Виленской Судебной Палаты. Въ виду занятія Вильны нѣмцами, Палата находилась въ Москвѣ. Послѣ революціи до меня дошли слухи о томъ, что меня собираются уволить и на мое мѣсто назначить какого-то присяжнаго повѣреннаго. И вдругъ совершенно неожиданно для меня и къ крайнему моему удивленію въ одной изъ Московскихъ газетъ появилось сообщеніе о командированіи меня въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію. Послѣ этого спустя, кажется, двѣ недѣли присяжный повѣренный Ждановъ, только что вернувшійся изъ каторги (онъ былъ осужденъ за участіе въ разбоѣ, который почему-то назывался экспропріаціей) сообщилъ мнѣ что онъ, по порученію предсѣдателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Муравьева, везъ мнѣ какой-то пакетъ, но потерялъ его по-дорогѣ; думаетъ, что это былъ ордеръ Министра о командированіи меня въ Комиссію, почему и просить меня теперь же зайти къ пріѣзжающему въ Москву Муравьеву. Эти — на видъ мелкія обстоятельства — потеря должностнымъ лицомъ официальнаго пакета и командированіе судебного дѣятеля безъ всякаго его спроса оказались явленіями весьма симптоматическими. Сколько разъ потомъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ потери новыми дѣятелями весьма важныхъ бумагъ, которыя какъ то затеривались въ Министерствахъ, чего не бывало раньше. Напримеръ одна бумага изъ слѣдственной Комиссіи (чуть ли не найденная въ перепискѣ Государя копія проекта соглашенія съ союзниками на случай побѣды) была передана въ руки Милюкову; впослѣдствіи